Ася Бергман

Муж купил меня. Теперь требует отработать

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ася Бергман

Муж купил меня. Теперь требует отработать

«Автор»
2026

Бергман А.

Муж купил меня. Теперь требует отработать / А. Бергман — «Автор», 2026

— Наталью я не продаю, — сказал Костя. — Слишком дорого обошлась.За столом засмеялись. А муж достал телефон и стал перечислять, сколько потратил на меня за шесть лет. Даже мамину операцию вспомнил.Через несколько дней я застала свою коллегу в нашей спальне. Она сидела на краю кровати и вытирала волосы моим полотенцем. Я думала, теперь мы с Костей в расчёте. Но у него долг в восемь миллионов четыреста тысяч. И ему нужна квартира, в которой живёт моя мама.

© Бергман А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сколько стоит жена 5
Глава 2. Счёт за шесть лет 9
Глава 3. Ты же моя жена 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Ася Бергман
Муж купил меня. Теперь требует отработать

Глава 1. Сколько стоит жена

— Наталью я не продаю, — сказал Костя. — Слишком дорого обошлась.

Мы сидели за длинным столом в малом зале «Берега». На соседней площадке ещё убирали после свадьбы: из коридора тянуло жареным мясом и средством для пола. Передо мной стояла тарелка с почти нетронутой рыбой. Я как раз пыталась вытащить из неё лимонную косточку, когда муж произнёс это с интонацией человека, который собирается рассказать хороший анекдот.

Сергей Михайлович хохотнул первым. Он умел смеяться так, что остальные начинали улыбаться из осторожности.

— А в аренду? — спросил он. — На выходные, допустим. С возвратом в товарном виде.

— Смотри, чтобы не разорился, — ответил муж.

За столом сидели Игорь, наш коммерческий директор, управляющая второй площадкой Ольга, двое людей из компании, которая обеспечивала нам оборудование, и трое сотрудников, оставшихся после вечернего показа залов. Ужин должен был быть деловым. Встречу закончили час назад, но Сергей настоял: он приехал не затем, чтобы пить воду с менеджерами.

Полина, старшая по смене, остановилась у стены с кофейником. Она слышала. Все слышали.

— Вы закончили? — спросила я.

— Наташ, не порть людям вечер, — сказал Костя. — Мы шутим.

— Тогда объясни, где смешно. Серьёзно. Я тоже посмеюсь.

Костя положил ладонь мне на плечо. Со стороны это выглядело вполне нежно.

— Вот за что люблю жену, — объявил он. — Никогда не промолчит. Особенно если кто-то другой за неё платит.

— Кто за меня платит?

— Я, например. Шесть лет. Ты сама знаешь, сколько стоит твоё спокойствие.

— А, это ты сейчас про мой оклад? Так его не ты из бумажника выдаёшь.

— Про оклад я даже не начинал.

— Костя, ты зря споришь. Женщина на содержании всегда считает, что сама себя содержит. У меня была одна такая. Там только собака сто тысяч в год съедала.

— Собаке-то хоть нравилось? — спросила я.

Кто-то фыркнул. Не тот, от кого я ожидала. Игорь не улыбнулся. Он отодвинул от себя блюдце, на которое официант собирался поставить чашку, и произнёс:

— Заказчики подтвердили понедельник, одиннадцать часов.

— Успеешь, — бросил Костя. — Сейчас о другом.

Костя показал Сергею экран банковского приложения.

— Прошлой зимой пальто из какого-то зверя. До этого поездка. Машина на фирме, но ездит кто? А ты, Сергей, на выходные просишь. С такой амортизацией аванс нужен.

Пальто мы выбирали вместе. Он сам настоял на дорогом, хотя я просила другое. Теперь я могла оправдываться перед Сергеем за покупку одежды. Лучше было молчать.

— Костя, — сказала я, — убери телефон.

Он не убрал.

— А если серьёзно, — продолжил муж, — жена моя мне одним поступком обязана больше, чем я от кого-то за всю жизнь благодарности видел.

— У Нины Павловны шесть лет назад шансов почти не было. Сейчас жива-здорова, по магазинам ходит, на дачу просится. Я это организовал. Не жаловался. Сколько стоило — Наташа знает.

— Операция прошла хорошо? — спросила Ольга. Не меня, Костю.

— Тогда ещё хорошо не было, — ответил он. — Потом ещё месяцы вытаскивали. Но об этом редко вспоминают, когда речь заходит, кому кто что должен.

— Я помню, — сказала я.

И это было правдой. В 2020-м Костя сам нашёл машину, на которой маму можно было перевезти после лечения, когда прежняя договорённость сорвалась. Он не отправил водителя: приехал ко мне в больницу, вытащил из пакета с вещами запутавшуюся зарядку и впервые за двое суток заставил меня съесть что-то горячее. Мама потом полгода называла его «наш спаситель» — и я не поправляла. Тогда не за что было.

— Так тем более, — сказал муж. — Скажи людям спасибо, и всё.

— Я тебе сказала. Не сегодня. Не здесь.

— Благодарность, оказывается, имеет график.

— Слушай, Наталья, — снова заговорил Сергей. — Я действительно могу разгрузить твоего мужа. Не на выходные, пожалуй. На вечер. Он человек занятой, ты тоже. А мы с тобой культурно посидим. Ты ж красивая женщина, чего надулась?

— Вы что, серьёзно сейчас?

— Так я цену не назвал.

— А я вас и бесплатно не хочу видеть.

— Сергей, — осторожно сказал Игорь.

— Чего «Сергей»? — повернулся тот. — Я комплимент делаю. Ты посмотри на неё. В сорок лет цену себе знает. Или только Костину?

— Мне сорок, — повторила я, — а вам пятьдесят три. И это не повод вести себя как старый озабоченный мудак.

За столом стало тихо.

— Извинись, — сказал Костя.

— За возраст? Он в паспорте написан.

— Наташа. Немедленно.

— За то, что он предложил меня снять, извинись ты.

— Я ничего тебе не предлагал, — сказал Сергей. — Ты, похоже, давно не слышала, как с женщиной разговаривают. Потому и бросаешься.

Я взяла бокал, чтобы хоть чем-то занять руку. Костя произнёс:

— Поставь. Не хватало ещё концерта.

Я поставила. Слишком резко. Ножка бокала попала на край сложенной салфетки, вино пошло по белой скатерти в сторону Сергея. Он отдёрнул локоть и выругался. Полина подскочила с полотенцем.

— Я сама, — сказала я.

— Дайте, пожалуйста, — попросила она.

Я удержала мокрую скатерть, чтобы пятно не дошло до его брюк. Полина попыталась подоткнуть полотенце. Сергей ткнул пальцем в неё:

— Полина, твою мать, здесь что, никто не умеет работать?

— Она ничего не пролила, — сказала я.

— А кто пролил, мы видели, — ответил Костя.

Полина всё ещё держала полотенце. Я почему-то разозлилась на неё сильнее, чем на Сергея.

— Так уберите уже это, — вырвалось у меня. — Что вы стоите?

Она убрала руку и отошла. Я проводила её взглядом, но ничего не сказала.

— Вот и вся твоя благодарность, — сказал муж.

— Нет, Костя. Это у тебя весь разговор. Про деньги, которые ты когда-то потратил. Про то, что теперь можешь распоряжаться мной. Ты совсем охуел?

— Выйдем, — сказал Костя.

— Я уже ухожу.

Я отодвинула стул и встала, но ремешок сумки зацепился за спинку. Я потянула, стул поехал следом, ножка скрежетнула по полу. Смешно до слёз: взрослая женщина произнесла речь о достоинстве и не сумела уйти без мебели.

Полина машинально придержала стул. На этот раз я сказала ей «спасибо». Она посмотрела не на меня, а на Костю — можно ли мне помогать.

В коридоре я остановилась у гардероба. Куртка осталась в машине, а водитель ждал Костю. За стеклянной дверью шёл дождь.

Через две минуты появился Игорь. Он не пытался утешать.

— Наталья, водитель вам нужен или пусть ждёт Константина?

— Пусть ждёт. Я на такси.

— Хорошо.

Он уже собрался уйти. Я не выдержала:

— И всё?

— Что ещё?

— Вы ведь слышали.

— Да.

— И вам нормально?

Он сжал в пальцах свою карточку от парковки.

— Мне не нравится, что это было при сотрудниках. И что вам пришлось такое слушать. Но за вас я решать не буду.

— Сомневаюсь, что вы что-нибудь вообще решаете не по должностной инструкции.

— Вероятно, — сказал он.

В такси я обнаружила на рукаве красную каплю. Хотела отправить Косте длинное сообщение, написала две строки, стёрла. Водитель спросил, на какой въезд ехать. Раньше я ни разу не задумывалась, что наш дом имеет два въезда. Я просто называла адрес, а остальное знали другие люди.

У дома охранник долго уточнял мою фамилию. Костя арендовал дом через свою фирму. Я жила там шесть лет и не знала даже, на кого оформлен пропуск.

На кухне уборщица оставила суп и записку: «Кости от рыбы убрала, чтобы не пахло». Дома люди по-прежнему заботились о моём удобстве.

Я позвонила Полине. Она не ответила, и я написала: «За мой тон у стола — прости. Ты не виновата».

В половине одиннадцатого зазвонил рабочий чат. «Берег. Смена». Видео длилось двадцать две секунды.

На записи не было Сергея с его предложением, не было Костиных расчётов и моей попытки остановить разговор о маме. Был мой бокал, красная полоса на скатерти, Полина с полотенцем и я, произносящая: «Что вы стоите?» Потом крупно моё лицо и последняя фраза мужу. На ней запись обрывалась.

Под роликом написали: «Даже не знаю, что комментировать». Потом сообщение удалили. В чате были люди, которых завтра мне предстояло просить выйти на смену.

Отправил ролик работник технической службы. Но он мог получить его от кого угодно; кто снял и обрезал, я не знала.

Костя приехал почти в полночь, привёз минеральную воду и любимые мои пирожные. Поставил их передо мной, не поздоровавшись.

— Ты ела?

— Не хочу.

— Ты всегда так говоришь после скандала. Потом ночью холодильником хлопаешь.

Он положил пирожное на блюдце. Сам достал сухари: после позднего ужина у него болел желудок.

— Видео видел? — спросила я.

— Видел. Красиво выступила.

— Оно обрезано.

— Это не делает тебя трезвее и вежливее.

— Я едва пригубила вино. Сергея там нет. Тебя там нет.

— И что? Ты не кричала на Полину?

Я молчала.

— Не называла меня при чужих людях охуевшим?

— Называла.

— Значит, запись настоящая. Теперь объясни мне, почему в понедельник я должен сажать тебя перед клиентами.

— Потому что они приезжают обсуждать площадку, которой я занималась полгода.

— Приедут обсудить аренду зала и обслуживание. Их устроит Игорь.

— На встрече будут люди, которые меня знают.

— Вот именно. Теперь знают лучше.

— В понедельник переговоры проведёт Игорь. Не делай вид, что речь о способностях. Я не собираюсь краснеть перед заказчиками из-за твоей выходки.

Он сказал «из-за твоей выходки» легко. Словно всё началось с моего бокала.

— Сергей больше никогда не заговорит со мной так при тебе, — сказала я.

Костя развернул обёртку сухаря.

— Если ты будешь вести себя прилично, ему и в голову ничего не придёт.

Я поднялась. Он задержал меня у двери одним словом:

— Завтра сядем, посчитаем. У меня давно к тебе разговор. С документами.

— С какими ещё документами?

— Увидишь. И паспорт приготовь.

Костя откусил сухарь и спросил, убрать ли пирожное в холодильник. На кухне уже лежали две папки. Возле них он освободил место для моего паспорта.

Глава 2. Счёт за шесть лет

В субботу утром Костя жарил яичницу.

— Будешь? — спросил он.

Рядом с тарелкой лежали папка, ручка и мой паспорт. Вечером я оставляла его в ящике спальни. Костя достал сам.

— Ты у меня паспорт брал?

— Паспорт сам взял, ты забыла. Сядь, пока не остыло.

Я села. Яичницу он приготовил с мягким желтком, как я любила. В домашней футболке с дырявым швом он казался обычным мужем, а не человеком, который вчера предлагал меня напрокат.

Костя подвинул ко мне папку.

— При гостях я вчера неудачно выразился, — сказал он. — И Сергей перебрал. Но ты устроила скандал, который обсуждает вся смена.

— Ты хочешь извинений или поговорить о деле? — спросил Костя.

Мне хотелось извинений. Я едва не сказала «хочу», но он уже открыл папку.

Сверху лежали счета на мамину госпитализацию, перевозку, восстановление и платёжные поручения. Названия клиник и даты я узнала сразу: копии части бумаг хранились и у меня.

— Три миллиона четыреста шестьдесят тысяч, — произнёс Костя. — Я округлять не стану, раз уж ты любишь точность.

— Это лечение мамы.

— Это мои деньги, потраченные на лечение твоей матери. Разница есть?

— Я этого не отрицаю, — сказала я. — И мама не отрицает.

Потом пошли покупки, поездки, помощница по дому, машина. Между цифрами приписки рукой Кости: «отпуск Наташа», «врач», «мать». Шесть лет моей жизни заняли два листа.

— Машина принадлежит фирме. Ты ещё и её мне в подарки записал? — спросила я.

— На ней ты ездишь, — ответил Костя. — Водитель, бензин, обслуживание. Кто за всё это платит?

Я знала сотрудников, которые после смены ждали первого автобуса. А сама жаловалась, если водитель опаздывал на десять минут.

— А зачем складывать? Ты собираешься выставить счёт?

— Я собираюсь показать, что мы не в детском саду. У взрослых помощь имеет цену.

Костя вынул следующий лист. Ни печатей, ни подписей: набросок будущих условий.

— Мне нужно обеспечение по обязательствам. Восемь миллионов четыреста тысяч. На время. По квартире.

На листе не было ни даты, ни подписей. Пока это были лишь предложения.

— По какой квартире?

— Наташа.

— Скажи вслух.

— По твоей. Где мать живёт. Больше у нас свободной недвижимости нет, которая подошла бы.

— «У нас»? Квартира моя, по наследству. Она была у меня до брака.

— Именно потому, что документы на тебя, твоё согласие понадобится. Когда подготовят нормальные бумаги.

— А твои два зала, оборудование, всё, чем ты хвастался?

— Залы арендуются. Оборудование не всё свободное. Я разве говорил тебе, что владею зданиями?

Гостям он всегда говорил «мои площадки». Я тоже говорила «наши». Разницы прежде не замечала.

— Что это за обязательства? — спросила я.

— Рабочие.

— Перед кем?

— Перед людьми, с которыми веду дела. Подробности потом.

— Получается, сперва отдай квартиру, потом узнаешь, зачем?

— Никто её не отдаёт. Ты будешь собственником. Просто обеспечишь сделку.

Мамин больничный счёт оказался сверху на черновике. Я отодвинула его в сторону.

— Нет, — сказала я.

— Ты даже не дослушала.

— Если дослушаю, квартира станет другой?

— То, что ты сделал для мамы, я помню. Но распоряжаться её жильём не дам.

— Её? — переспросил он. — Ты сама только что сказала, что собственник ты.

По документам квартира принадлежала мне. Мама называла её своей, выбирала занавески и никогда не спрашивала у меня разрешения. До сегодняшнего дня мы обе считали это нормальным.

— Ничего подписывать не буду.

Он забрал лист с условиями, сложил ровно пополам и убрал в папку. Потом взял телефон. Я ждала звонка кому-то из его партнёров, но он открыл банковское приложение.

— Дополнительную карту сегодня отключу.

— Из-за квартиры?

— Тебя оскорбляет моя помощь. Зачем продолжать?

— А зарплату тоже отключишь?

— Зарплата твоя, поступает тебе. А дополнительные расходы — моё решение.

Я ещё могла говорить про выгоду, достоинство и самостоятельность. Вместо этого спросила:

— А машина?

Костя поднял глаза.

— Какая машина?

— Не делай вид, что не понимаешь.

— Ключи от машины оставь. Она нужна под встречу в понедельник. На работу доберёшься сама.

Больше всего меня унижало, что я уже считала стоимость такси и косметики. Я отлично знала бюджеты мероприятий, а собственного комфорта — нет.

— Позвоним Нине Павловне, — предложил муж.

— Не надо её сюда втягивать.

— Она, кажется, имеет отношение к квартире.

— Она там живёт. Больше ни к чему.

— Вот и спросим, что она думает.

Я попыталась остановить его звонок и сбросила вызов. Костя молча набрал снова. Мама ответила сразу.

— Костенька! — обрадовалась она. — Как хорошо, что позвонил. Вы вчера поздно работали?

— Поздно, Нина Павловна. Вот сидим, дела обсуждаем. Я хотел вам вопрос задать.

Мама сразу стала настороженной:

— А что случилось? Наташа здорова?

— Наташа здесь. Слышит. У нас сложности по бизнесу; нужно временное обеспечение её квартирой. Она против.

— С квартирой-то что? — спросила мама.

— Осмотр, оценка, ничего страшного, — ответил он. — Я столько сделал для вашей семьи. Хотел бы хоть раз рассчитывать на понимание.

— Костя, погоди, — сказала мама. — Я не разбираюсь в таких вещах. Наташ, ты что молчишь?

Я наклонилась к телефону:

— Он хочет заложить квартиру на восемь миллионов четыреста тысяч. Я отказалась.

— Вот видите? — сказал Костя. — Никто ещё никуда не ездил, а у Наташи уже маму из квартиры выгоняют.

— Костенька, не надо так, — сказала мама. — Я просто испугалась.

— Костя тогда меня спас, — продолжила мама. — Наташ, он же не чужой. Но я не понимаю, что сейчас требуется.

— Мама, от твоей благодарности ему не станет легче платить по своим счетам.

— И тебе тоже не станет, если вы окончательно разругаетесь, — ответила она. — Неужели нельзя пока ничего не обещать и не отказывать?

— Ему нужна не благодарность. Ему нужна моя квартира.

— Ну так пусть объяснит. Я же не говорю, что надо подписывать.

Костя вздохнул, и мама моментально спросила, не плохо ли ему.

— Давайте пока просто посмотрим, подходит ли объект. В воскресенье приедет специалист. Никаких подписей.

— Нет, — сказала я. — Не приедет.

— Наташа, я там живу. Если просто посмотрят, квартира ведь не исчезнет. Только сначала разберитесь между собой.

Костя убрал бумаги и понёс посуду к раковине. Сковородки он всегда мыл сам.

— Я не приглашала оценщика, — сказала я ему в спину.

— Услышал.

— И ты не пригласишь.

— Вопрос осмотра решим. Не кричи.

После обеда я собралась к маме. Ключи от машины лежали там, где их просил оставить Костя. Он не забрал их силой. Я сама положила брелок на полку прихожей, хотя ещё утром хотела выбросить ему в лицо всю папку.

Такси оказалось дороже, чем я ожидала. Я посмотрела маршрут автобуса и всё равно вызвала машину. Злилась на водителя за то, что он не мог найти ворота.

В аптеке на дополнительную карту пришёл отказ. Я расплатилась своей, хотя фармацевт даже не взглянула на меня. Костя сдержал слово.

У мамы пахло жареным луком. В тесной прихожей стоял буфет, который я собиралась продать ещё до свадьбы. Мама отстояла его: это был её дом, хотя собственником по наследству была я.

— Ты чего без предупреждения? — спросила она, забирая таблетки. — А йогурт не купила?

— Не просила же.

— Я всегда беру.

Я сняла обувь, поставила пакет на табуретку и почувствовала облегчение от этой обычной маминой несправедливости. Она не требовала у меня восемь миллионов. Она хотела йогурт.

— Костя сказал, тебя на понедельничную встречу не берут.

Я повернулась.

— Откуда ты знаешь?

— Звонил после завтрака. Сказал, ты вчера нехорошо вела себя при людях.

— А он что делал, не рассказал?

— Не хочу подробностей, у меня давление. Он говорит, вы поссорились.

— Как удобно. Его подробности, значит, помогут.

Мама закрыла аптечку.

— Я жила и до Кости, — обиделась мама. — Он позвонил сам, я его не просила.

Мама снимала с упаковки наклейку с ценой: она не любила видеть стоимость подарков. Оставаться без Костиной помощи ей было страшно. До 2020 года она сама считала деньги до копейки.

— Осмотра не будет, — сказала я. — Я сама решаю, кого пускать.

— А если ко мне человек придёт поговорить? Ты и этого запретишь?

— Если он придёт смотреть квартиру для залога — да.

— Тебе легко сказать «закрой дверь». Ты тут не живёшь. А мне потом объяснять, почему я не впустила.

— Каким людям, мама? Ты их даже не знаешь.

— Костя знает.

— Ты ведь слышала, что я против?

— Слышала. Я не говорю, что ты должна соглашаться. Я говорю: мне с ним после этого тоже разговаривать. Ты поссоришься и уедешь. А он ко мне шесть лет по-человечески относился.

— И ты боишься, что перестанет?

Мама поджала губы и пошла за котлетами.

Она поставила передо мной котлеты.

— Ешь. Ты с утра ничего не ела.

— Ела.

— По лицу не скажешь.

Я съела котлету. Перед уходом мама вручила мне банки с огурцами и попросила не доводить дело до развода «из-за бумаг». Слово «развод» напугало меня, хотя я сама уже думала о нём.

— Это не из-за бумаг, — сказала я.

— А из-за чего? Из-за его грубости? Наташа, люди иногда такое говорят, что лучше не повторять. Он же помог, когда действительно надо было.

— Я помню его помощь. Только теперь помощь нужна ему, а он даже не просит.

Мама не ответила. Поправила мне воротник, как в школе, и отвернулась к плите.

Вечером я вернулась домой. Костя разговаривал по телефону на кухне. Я прошла наверх, достала наличные из дорожного кошелька, свою карту переложила в наружный карман сумки, паспорт спрятала среди документов. Несколько тысяч рублей и собственная зарплата вдруг стали значить больше, чем прежде.

Я открыла рабочий чат, но писать в выходной всем не стала. Отправила Игорю одно сообщение: «По текущим заказам я работаю как обычно?» Он ответил: «Да. Переговоры в понедельник веду я. Остальное обсудим».

Около девяти мама прислала голосовое. Она начала с обычного громкого «алло».

«Наташ, не сердись. Костя ещё звонил. Я сказала, что ты против, но он уверяет — просто посмотрят, без подписей. Завтра в двенадцать придёт женщина. Я разрешила. Ты приезжай, если хочешь. Ничего подписывать не буду».

Я написала: «Никого не впускай до моего приезда. Буду раньше двенадцати». Мама прочитала, но не ответила.

Глава 3. Ты же моя жена

— Наташ, только не начинай с порога, — сказала мама вместо «здравствуй».

Была половина одиннадцатого утра. Я стояла на её коврике с пакетом из булочной. На лестнице пахло чужой кошкой и вчерашней краской: соседи сверху второй месяц ремонтировали дверь. Мама оставила цепочку и смотрела в щель.

— Я не с порога. Я тебе вчера написала. Впустишь?

— Разумеется, впущу. Просто у меня всё готово, а ты сейчас будешь командовать.

Она сняла цепочку. В прихожей рядом с моими туфлями стояли тщательно вычищенные мамины ботинки. На кухне лежала новая тряпка, которой вчера ещё не было. Мама подготовилась встречать незнакомую женщину, хотя уверяла меня, что от осмотра квартиры ничего не зависит.

— Я просила никого не пускать, — сказала я.

— А я и не пускала пока. Двенадцати нет.

— Наташа, я пожилой человек. Мне с людьми нормально разговаривать надо? Или и это теперь по разрешению?

Я прошла в комнату. На маминой кровати лежало лучшее покрывало, а с подоконника исчезли таблетки и пузырёк с каплями для носа. Она убрала следы своей болезни, чтобы квартира понравилась оценщице. Я хотела сказать ей об этом, но вместо слов открыла форточку. Дома было натоплено до духоты.

— Закрой. Простужусь.

— Тут градусов двадцать восемь.

— Тебе всё не так.

Она принесла две чашки. На одной была реклама санатория, где мама проходила реабилитацию. Шесть лет назад я сама настояла на этом санатории. Тогда мне было важно только, что мама снова ходит без чужой помощи.

— Пусть в следующий раз звонят мне, а не тебе, — сказала я.

— Теперь я и дверь без тебя открыть не могу?

— Можешь. Только не под его поручения.

— Ты вчера мне сказала так, будто я твою квартиру продала. Я ночь не спала.

— Мам, ты сама разрешила осмотр.

— Потому что Костя попросил. Знаешь, как он это сказал? «Вы же меня понимаете, Нина Павловна». И я понимаю. У него дела плохо идут. Он же не гулять эти деньги хочет.

Я откусила от булочки и оставила её на блюдце. Мама немедленно придвинула салфетку под крошки.

— Я ведь не заставляю тебя подписывать, — сказала мама. — Пусть посмотрят сначала.

— Нет. «Посмотрят» — это уже согласие участвовать. Потом будет «почему теперь против, мы же всё подготовили».

— У тебя одна хитрость на уме. От кого ты защищаешься? От мужа?

— Да.

Мама отодвинулась от стола. Крышка сахарницы дребезгнула, и она прижала её пальцем.

В одиннадцать пятьдесят семь в домофон позвонили. Женский голос спросил Нину Павловну. Мама повернулась ко мне с таким видом, словно мы обе решили кого-то обмануть.

— Я открою подъезд, — сказала она. — На улице дождь. А ты сама с ней поговоришь.

Я не успела ответить. Мама уже нажала кнопку.

Женщина поднялась через минуту. В плотном сером пальто, с чёрной папкой и бахилами в прозрачном пакете. Лет сорок с небольшим, без желания с кем-либо спорить. Она предста-

вилась Мариной, уточнила адрес и сообщила, что её попросили провести предварительный осмотр для возможной оценки объекта.

— Кто попросил? — спросила я.

— Контакт передал Константин Викторович. Мне сказали, собственник в курсе.

— Собственник — я. Я против осмотра.

Мама уже приготовила вешалку, но Марина так и осталась в пальто.

— Совсем против? — переспросила Марина.

— Да. Не фотографируйте и не записывайте ничего о квартире.

— Я не начинала. Тогда извините, я уеду. Только, пожалуйста, сообщите заказчику сами. Я вас между собой мирить не уполномочена.

Её сухое спокойствие почему-то разозлило меня. От неё я ждала либо угрозы, либо настойчивого «раз уж приехала». Марина перехватила папку поудобнее и попросила маму не провожать.

— Простите, что зря ездили, — сказала мама.

— Вы ни при чём, — ответила Марина, взглянув на меня. — До свидания.

Дверь закрылась.

— Вот, — сказала мама. — Теперь я виновата перед человеком.

— Ты не виновата. Костя обязан был предупредить, что согласия нет.

— А ты обязана была не разговаривать с ней как с преступницей. Она даже бахилы не надела.

Телефон зазвонил почти сразу. Костя.

— Ну? — сказал он. — Выгнала человека?

— Я ей сказала, что осмотра не будет.

— Женщина добиралась через полгорода. Можно было хотя бы дать посмотреть кухню.

— Свою кухню показывай.

— В пятницу на всех накричала, сегодня оценщика выставила. Ты можешь хоть один день вести себя по-взрослому?

— Ты предложил чужому человеку мою квартиру, ничего со мной не обсудив.

— Я обсуждаю вторые сутки. С тобой невозможно договориться. Дай маме телефон.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что ты там её не доводишь.

Я передала маме телефон, хотя ничего не мешало мне оборвать разговор. Она слушала, глядя на плиту. Потом сказала:

— Да, Костенька, спасибо. Нет, я держусь. Ты сам не нервничай. Наташа упрямая, ты же знаешь.

Оказалось, Костя предложил привезти мамино лекарство от давления, которое она два месяца не могла купить в ближайшей аптеке. Мама отказалась, покосившись на меня.

— Можешь взять, — сказала я.

— Не надо мне твоего разрешения принимать таблетки.

— Ну вот и хорошо.

— Нет, не хорошо. Ты мне устроила сегодня цирк. А жить мне здесь. И с человеком, который меня с того света вытащил, отношения портить тоже мне.

Я взяла со стола бумажный пакет. Половина булочек осталась нетронутой.

— Если он ещё раз пришлёт кого-то смотреть квартиру, скажи, чтобы звонили мне.

У лифта я вспомнила, что оставила шарф на маминой кухне. За ним не вернулась.

Домой я приехала после двух. Воскресная тишина, запах запечённой курицы. Я задержалась у входа, будто сомневалась, туда ли попала.

Костя сидел за островом в спортивных брюках и разговаривал с кем-то по громкой связи. Услышав меня, сбросил вызов.

— Ну что? Победила?

— Я никого не побеждала. Сказала, чтобы не осматривали квартиру.

Он снял крышку с кастрюли.

— Есть будешь?

— Нет.

— А потом у тебя желудок болит. Курица хорошая. Я сам сделал.

— Спасибо. Не хочу.

— Наташа, от тебя только «нет» и слышно. Сядь, поговорим нормально.

Я сняла пальто, но на стул не села. Мне хотелось подняться наверх, переодеться и лечь с телефоном так, чтобы никто ничего не спрашивал. В этом доме можно было оставить где угодно даже грязную чашку.

Костя положил мне на тарелку кусок курицы и два ломтика огурца. Я всё-таки села. Минут десять он ничего не требовал.

В рабочем чате написала Полина. «Спасибо за сообщение. Всё нормально». Я читала эти слова, пока Костя ковырял вилкой мясо. «Всё нормально» она могла написать с какой угодно интонацией. Работать подо мной ей предстояло ещё долго, если вообще предстояло.

— Дай мне хоть на день не говорить о квартире, — сказала я.

— С утра мне звонит женщина, которую ты выставила с порога. Я должен делать вид, что ничего не произошло?

— До завтра не надо никому ничего доказывать. Я устала.

— Ладно. Сегодня не будем. Только прекрати выставлять меня перед матерью мошенником.

Я чуть не поблагодарила его за уступку. Отнесла тарелку к посудомойке.

У лестницы он задержал меня за локоть.

— Наташа.

— Ну что ещё?

— Ты можешь хоть сейчас не убегать?

— Отпусти.

Костя разжал пальцы и пошёл за телефоном.

В половине десятого Костя зашёл с пачкой чистых полотенец.

— Горничная сегодня не приходила. Твои я положу в ванную?

— Положи.

Уже выходя, он положил рядом с ноутбуком зарядку, забытую мной в машине. Я не просила принести её.

Я легла раньше Кости. Он вошёл около одиннадцати, бросил рубашку на кресло и спросил, почему я не сплю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.